

УДК 811.161.1' 33:801.81

ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ ПАРЕМИЙ

Н.Н. Семененко*Старооскольский филиал
Белгородского
государственного
университета**e-mail:
nsemenenko@yandex.ru*

Освещаются проблемы ценностной репрезентации с позиций лингвокогнитивного подхода к описанию семантики паремий. Характеризуются сложные процессы осмысления, взаимоопределения и переоценки категорий, образующих «ценностную» картину мира, в аспекте их выражения в паремической семантике и прагматике. Рассматриваются интегративные когнитивные процессы, которые способствуют объемной репрезентации ценностей посредством текста пословицы. Показана значимость ценностного критерия отбора паремических единиц в дидактических целях.

Ключевые слова: ценностный критерий, ценностная картина мира, когнитивная интеграция, семантика и прагматика паремий, объемная репрезентация.

Введение

Лингвокогнитивное описание семантики афоризмов фольклорного происхождения является актуальным в аспекте общей антропоцентрической тенденции современной лингвистики и позволяет рассматривать вопросы семантики паремий как сложных знаков языка и культуры на фоне ряда традиционных проблем взаимодействия языка и мышления.

Проблемы ценностной репрезентации, то есть вербализации когнитивных единиц, связанных в важнейшими культурными константами нации, в аспекте изучения паремиологической семантики обретают особое звучание – паремии представляют собой единицы синкретичные по природе, характеризуются признаками фразеосочетания, афористического высказывания и текста. Кроме того, паремии имеют статус прецедентных текстов и обладают рядом параметров, обуславливающих специфику их употребления в дискурсе: это и (1) многослойность смысла, заключенного в лаконичную оболочку пословиц, и (2) полифония в оценке, возникающая как следствие реализации типовой ситуации в условиях определенного дискурса с его ценностными и прагматическими ориентирами, и (3) способность актуализировать концептуальное содержание лексем, организующих текст паремии, в соответствии с базовой когнитивной моделью пословицы.

В статье предпринята попытка проследить и интерпретировать некоторые особенности ценностной репрезентации, наблюдаемой в контексте паремий. Данная задача актуальна и в аспекте уточнения статуса самих понятий ценностной репрезентации и ценностной картины мира.

Теоретический анализ

Паремии (пословицы, загадки и приметы) играют особую роль в сохранении духовной и интеллектуальной культуры этноса, поскольку особенно четко и образно отражают те области человеческого бытия и сознания, которые связаны (1) с осознанием человеком собственной сущности и закономерностей человеческого бытия, (2) с восприятием законов социума и осмыслением его традиций, (3) с осмыслением важнейших для человека и общества ценностных категорий. Пословицы как паремии с обобщенным значением выполняют еще и дидактическую функцию, занимая особое место в языковой картине мира, поскольку они образно, аргументировано и лаконично позволяют выразить целый комплекс культурных смыслов. Паремии совмещают свойства фразеологизма, высказывания и текста прецедентной природы, их семантика

прагматически обусловлена и, вместе с тем, они порождают собственную, внутритекстовую прагматику. Иными словами, они являются прекрасным объектом рассмотрения того аспекта когнитивной науки о языке, которая сосредоточена на «описании и объяснении работы языкового мышления ..., находящегося между входом в него (интенциями говорящего) и выходом (продуктами речи-мышления)» [5, 17-33]. Помимо прочего, паремии характеризуются целым рядом функционально-семантических особенностей, которые позволяют им занимать особое место в ряду репрезентаторов (средств языкового воплощения) национальной концептосферы. Паремическая картина мира – это отражение сложной и многогранной системы представлений русского народа о закономерностях бытия и законах человеческого сообщества, о нравственных и жизненных ценностях, о привычках и характере человека. Особенно следует отметить назидательный, «рекомендательный» характер подачи информации, который позволяет рассматривать паремии не только как кладёз житейской мудрости, что постоянно подчёркивается исследователями народных афоризмов, но и как вполне функциональный на сегодняшний день свод рекомендаций по обустройству общества и межличностных отношений. Действительно, екомендации, заключенные в паремиях, прожили не один век и, несмотря на все изменения, произошедшие в нашем обществе в последнее столетие, они остаются универсальным источником познания не только народной морали, но и народного речемышления.

Ценностный подход к изучению паремий демонстрирует сложные процессы осмысления, взаимоопределения и переоценки тех категорий, которые и образуют «ценностную» картину мира для носителя русского языка. Базовые ценности русского менталитета, такие, как «Труд», «Здоровье», «Счастье», «Вера», «Жизнь», «Ум», «Свобода», «Родина», «Дом», зачастую репрезентируются именно с помощью паремий, в тексте которых одна ценность определяется через другую.

В русле развивающейся когнитивной фразеологии и паремиологии проблема систематизации паремий по их ценностно-репрезентативному статусу приобретает новое звучание. В рамках антропоцентрической парадигмы лингвистики наблюдается потребность рассмотрения первопричин возникновения и реализации в дискурсе особой разновидности текстов афористического свойства в аспекте культурной составляющей из смысловой структуры. При этом значимым является учет ценностного критерия описания паремических единиц, не только представляющих собой собственно лингвострановедческую ценность (реалии культуры отражены в паремиях не столь представительно, как, допустим, особенности национального мышления или эстетические и вкусовые предпочтения народа), а еще и способных репрезентировать базовые культурные ценности.

Ценностная репрезентация понимается нами как вербализация когнитивных единиц: концептов, категорий, понятий, фреймов и т.д., выраженных в языковой картине мира. Причём мы исходим из того, что такого рода ценности, относясь к группе «культурных констант» (термин Ю.С. Степанова), являются мотивационной базой для формирования когнитивных единиц, которые Н.Ф. Алефиренко определяет как «концепты-архетипы». И с этим нельзя не согласиться, поскольку они «образуют внутренний остов менталитета» и «служат каркасом... глубинного подсознательного [1, 306]. Подобное понимание позволяет выделить ценностный критерий группировки паремий, в соответствии с которым ведущим основанием парадигматического объединения является не ключевая лексема, определяющая тематическую направленность пословицы в условиях определенной прагматической нацеленности дискурса, а акцентуализация когнитивной модели паремии, выраженная в том числе и в прагматической нацеленности смысла, и н т е н ц и о н а л ь н о с т и паремии и дискурса. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, интенциональность как «направленность на определенный предмет, объект», присуща всем видам сознания – «сознание может быть интенциональным во всем: относительно физических и идеальных предметов ..., и даже рефлексивно – на разные состояния самого сознания [1, 311].

Отмеченная интенциональность сознания проявляется и в базовой для смысловой структуры паремии когнитивной модели, – например, в пословице *Говорить правду – терять дружбу* когнитивная модель высказывания акцентуализирована (структурирована) посредством взаимодействия концептов «Правда» и «Дружба», обусловленного антитетической формой высказывания. Подобный способ взаимоопределения ценностей в тексте паремий весьма продуктивен, поскольку антитетическая структура «Наличие одного = потере другого» помимо собственно качественного противопоставления актуализирует дополнительные семы лексических репрезентантов. Действительно, *дружба* и *правда* в тексте пословицы подвергаются семантическому опредмечиванию как следствию метонимического переноса семантического признака с лица, осуществляющего действие (говорить и терять), на абстрактные категории, значимые для межличностного взаимодействия (*правда* и *дружба*). В результате мы можем говорить о концептуализации категории «Добро» и понятия «Дружба», которые в процессе приобретения дополнительного, «приращенного» содержания переходят в статус когнитивных единиц, определяющих менталитет носителя языка. Действительно, концепт – это «не просто информация, но тот формат, который служит своего рода «упаковкой» осмысленной и структурированной информации» [1, 309]. Собственно, благодаря фактам подобного смыслового и информативного «приращения», осуществляемого в процессе функционирования паремий и других культурно значимых единиц языка и текстов, репрезентирующих ценности, мы и можем говорить о том, что в русском национальном сознании представления о правде достаточно противоречивы, а моральные оценки ее носят весьма компромиссный характер.

Ценностный критерий отбора паремий для различных дидактических и иных прагматических целей во многом определяется семантическими и прагматическими особенностями пословиц. Для данной разновидности паремий – ценность – это не абстрактно-этическая категория, а категория практической значимости для организации жизненного пространства человека в условиях типовых ситуаций. Ценностный критерий, таким образом, тесно связан с понятием оценки, интерпретация которого применительно к тексту пословиц может выглядеть как обоснование пригодности того или иного явления для рекомендации житейского или философского плана. Так, в работе Л.Н. Пушкарева «Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII-XVIII веков» отмечается, что в критике пьянства, наблюдаемой в пословицах, «сопротивление шло главным образом в русле морального осуждения пьянства» [6, 121]. Вместе с тем, мы практически не обнаруживаем паремий, в которых бы содержалась однозначно положительная оценка трезвости как образа жизни, – действительно, *Хозяин пьян – сам себе пан* (ощущение свободы и собственной значимости); *Страшно видится, а выпьется – слюбится* (утешение в трудной ситуации); *Без вина правды не скажешь* (придает смелости) и т.п. Можем ли мы вести речь о наличии в народном сознании ценности «трезвость», если подавляющее число паремий обличает или оправдывает пьянство, отмечает его неизбежность, но не утверждает ценности «трезвости»?

Таким образом, возникает проблема определения параметров ценностно-смыслового пространства русского народа, которые являются наиболее актуальными в плане отражения всего многообразия ценностных позиций национальной культуры. С одной стороны, это могут быть те ценности, которые являются актуальными в аспекте функционирования паремий как выразителей наиболее стереотипных обобщенных взглядов носителей языка. И тогда, в первую очередь, исследователь должен сосредоточиться на общечеловеческих ценностях, универсальных для всех культур, а для периферии области изучаемых языковых явлений отобрать ряд показательных примеров, иллюстрирующих некоторые внутренние противоречия в оценке ведущих категорий. С другой стороны, если говорить о ценностных ориентациях, выражаемых паремиями, то прежде всего необходимо выявить ценности, концептуальная основа которых антитетична по природе (труд – лень, добро – зло, правда – ложь, ум – глупость и т.д.), а также определить список ценностей, которые актуальны в меньшей степени,

нежели сам детальный разбор их противоположностей (пьянство, клевета, грех и т.д.). Список последних не является обширным, поскольку изначальная склонность паремий к морализаторству и их воспитательная функция вовлекают в зону народной афористики темы с выраженными «положительными примерами». Вместе с тем, определяемые «антиценности» народа не менее важны и показательны для характеристики национального менталитета, особенно в отношении критического настроения мышления. Сложный самоанализ культуры, наблюдаемый в пословицах, критически нацеленных на недостатки человека и общества, как нельзя лучше иллюстрирует особенности народного мышления – в этих паремиях соединены догматизм, компромисс и парадокс суждений: *Пьян бывал, а ума не пропивал, Пьяный проспится, а дурак никогда, но Лучше знаться с дураком, чем с кабаком, кроме того, Пьян да умен – два угодыя в нем, Пьян да глуп, так больше бьют.*

Что же касается определения списка базовых ценностей, определяющих структуру паремической картины мира, то он, видимо, должен определяться с ориентацией на набор базовых национальных ценностей, отраженных в языковой картине мира в целом. Так, анализируя отражение системы ценностей в паремическом своде русского языка, Л.Б. Савенкова выделяет девять групп ценностей и характеризует степень их представленности в паремиях [7, 138-139]. Подобный подход позволяет избежать множества погрешностей, неизбежно возникающих при попытках тематического членения свода народной мудрости, когда непосредственно в процессе интерпретации значения пословиц мы сталкиваемся с множеством спорных моментов в отнесении той или иной паремии к конкретной тематической группе. Причин тому несколько:

1) пословицы – это поликонцептуальные единицы, смысловая структура которых связана не с одним ключевым концептом (как, к примеру, у фразеологизмов), а сразу с несколькими, причем иерархия и актуализация данных концептов напрямую зависит от дискурсивных установок;

2) в основе умозаключения, выраженного в пословице, лежит фреймовая структура, задающая ситуативное смысловое ядро высказывания, а фрейм, как известно, сложно структурированная ментальная единица, отдельные уровни которой активно вступают в интегративные связи с другими единицами и их структурными элементами [1, 85];

3) прагматическая значимость паремий, которая складывается, в первую очередь, из оценки характеризуемой в пословице ситуации, может существенно менять выражаемый смысл даже в пределах аналогичных контекстов, поскольку она учитывает абсолютно все дискурсивные критерии, влияющие на восприятие паремии. Таким образом, смысловая полифония паремий, обусловленная сложностью их когнитивной структуры, создает множество позиций для объединения паремий в тематические группы, и выбор каждой конкретной позиции зависит, в первую очередь, от поставленных задач исследования. В результате, как нам кажется, ценностный аспект кажется вполне соответствующим задачам составления паремического минимума, поскольку он учитывает в равной степени и концептуальную общность и прагматическую значимость отбираемых народных афоризмов. При этом особое внимание следует уделить не столько перечню самих ценностей, отраженных в паремическом фонде, сколько их включению во фреймовую сетку (сложноструктурированное когнитивное пространство, образуемое фреймами как когнитивными прообразами типичных ситуаций, актуальных для национального сознания), организующую паремическое пространство языка.

В процессе характеристики особенностей ценностной репрезентации посредством паремий мы неизбежно обращаемся к прагматически обусловленным особенностям семантики последних. Следует отметить, что паремии как сложные знаки языка и культуры не просто выражают умозаключение относительно какого-либо положения вещей или образно характеризуют денотат с позиций народной этической и эстетической оценки, – они включаются в контекст в качестве вторичного мини-текста,

при этом паремии выступают в роли своеобразной аллюзии (ссылки, апелляции) к целому фонду житейской мудрости (паремическому фонду языка). Кроме того, знаковая природа паремий позволяет им не только выражать умозаключение относительно какой-либо ситуации, но и раскрывать новые, особые свойства денотата, трудно выражимые в других контекстах. Например, многие пословицы характеризуют базовые ценности национальной культуры, «совмещая» их в пределах лаконичного текста и поясняют сущность одного явления за счет сопоставления с другим. Такое совмещение, ярко отражающее механизмы когнитивной интеграции, часто наблюдается в антигетических моделях высказывания: *Богатый – на деньги, а голь – на выдумку* – в данной пословице репрезентированы концепты «Богатство» и «Житейский ум», которые характеризуются через противопоставление (противопоставляются не столько сами представленные ценности, сколько жизненные ситуации, в которых они проявляются). В итоге пословица демонстрирует «объемный» и беспристрастный взгляд на вещи, помогающий определиться с правильной оценкой их значения для человека. Данный пример, как и большинство других, приводимых в исследовании, позволяет говорить именно об объемной репрезентации – вербализации когнитивной единицы с попутной актуализацией её интегративных связей с другой (или другими) когнитивной единицей.

Объемная репрезентация осуществляется не только с применением механизма антитезы, пример тому – пословица *Здоровому все здорово*, в которой помимо собственно концепта «Здоровье» репрезентируется концепт «Счастье», так как смысл, выражаемый в умозаключении, иллюстрирует ситуацию полного удовлетворения жизнью. Не случайно у В.И. Даля *счастье*, в ряду прочих характеристик, определяется как «желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги» [4, 639]. Подобное «взаимоопределение», репрезентирующее не только результат, но и сам механизм когнитивной интеграции как процесс частичного совмещения содержательных областей концептов, наблюдается в пословицах, использующих различные способы определения ценностных категорий: (1) путем непосредственной лексической номинации (*Без труда чести не получишь*, *Богатство – грязь, ум – золото*); (2) с помощью метафоризации одного из ценностных образов (*Большого ума Фома, да зато велика у него сума* (бедность)). В последнем примере, в отличие от выше приведенного, концепт «Ум» репрезентируется с актуализацией прагматического смысла «ум, оторванный от реальности, от бытовой почвы», в то время как в пословице *Богатство – грязь, ум – золото* данный концепт реализуется в аспекте обыденного «слоя» его содержания. О подобной «многоликости «ума» прекрасно сказал известный собиратель и исследователь русских пословиц И.М. Снегирев, отмечавший в пословицах и «задний ум, которым крепок русский», и «практический ум с его высшей силой – разумом» и на догадку, которая «лучше разума» [8]. Интересны и примеры пословиц, которые (3) при варьировании своей структуры допускают «взаимоопределяющие» формы, например, *В ком добра нет, в том и правды мало* и *В ком правды нет, в том и добра мало*. Наблюдаемая в приведенных примерах «мена» компонентов говорит о способности пословиц номинировать ценности не только с помощью образного их выражения, но и с помощью актуализации коннотативной семы. В данном случае и «Правда», и «Добро» характеризуются как безусловные нравственные ценности, придающие их носителю статус «правого» – иначе говоря, «чи намерения чисты, кто безгрешен и у кого сердце доброе, тот и прав».

Подобное отношение к правде существенно расходится с дискуссионной трактовкой понятий «Правды» и «Истины», наблюдаемой не только в философской литературе и художественном дискурсе. Основной смысл противопоставленности «Правды» «Истине» находится вполне в контексте определения, данного этим важнейшим ценностям В.И. Далем: «Истина – противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть; ныне слову этому отвечает и *правда*, хотя вернее будет понимать под словом *правда*: правдивость, справедливость, правосудие, правота.

Истина от земли – достояние разума человека, а *правда* с небес – дар благостыни. *Истина* относится к уму и разуму; а добро или благо к любви, праву и воле [4, 60]. Интересно, что в определении «Добра» в «духовном значении» В.И. Даль обращает внимание не на добрые намерения, а на добросовестное их исполнение: «...благо, что честно и полезно, все, чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина» [4, 443], а в качестве показательной иллюстрации сущности такого «Добра» приводит пословицу: *За добро злом не платят*, что подчеркивает «деятельностную» основу ценности. И все-таки, наиболее очевидной для народного сознания является антиномия - «Правда – ложь». Интересно, что в аспекте подобного противопоставления незначительной выглядит разница между «Правдой» и «Истиной»: «лгать – врать, говорить или писать ложь, неправду, противное истине» [4, 241]. «Ложь» (*кривда*) представлена в русских пословицах как в онтологической, так и в поведенческой ипостаси: *Не будь лжи – не стало б и правды* (выражение единой сущностной основы концептов «Правд» и «Ложь» как способов представления действительности); *Не солгать, так и не продать* («Ложь» – ловкачество, приукрашение действительности); *Врать не устать, было б кому слушать* («Ложь» – краснобайство, пустословие, праздное времяпрепровождение) и т.д.

«Ложь» противопоставляется «Правде» (1) в смысле серьезности отношения к жизни и людям: *Правда шутки не любит*; *Соврал – так переверни полчище*; (2) в аспекте оценки серьезности и ответственности человека: *Сожжешь сегодня – не поверят и завтра*; *Брехать не цепом мотать: не тяжело*; (3) в плане приносимой жизненной выгоды: *Правда в лаптях; а кривда, хоть и в кривых, да в сапогах*. Отношение в правде как нравственно высокой категории возникает в тех пословицах, которые демонстрируют когнитивную интеграцию концепта «Правда» с концептами «Совесть» и «Бог»: *Правда у Бога, а кривда на земле* (результат интеграции концептов – новый смысл ‘правда недостижима в земной жизни’); *Не правдою жить – не хочется, правдою жить – не можетя* (следствие интеграции – реализация смысла ‘правда – категория идеальная, труднодостижимая в реальности’).

Еще одно направление когнитивного взаимодействия, выраженное в паремической картине мира: «Правда – Ложь» – «Вина»: *На деле прав, а на дыбе виноват* (правое человека могут заставить лгать, чтобы доказать несуществующую вину); *Кто повинился – того суди Бог* (признание вины равносильно раскаянию – высшему проявлению правдивости); *Самому судить – не рассудить* (нельзя определять виновность человека исходя из собственной (субъективной) правды). Рассмотренные примеры позволяют предположить, что категория правды в народном сознании характеризуется наличием сложных, разветвленных и субъективно мотивированных связей с рядом других ценностных категорий, в частности, таких, как «Вина», «Греховность», «Добро – Зло». Концептуализация «Правды» в национальном сознании обусловлена тем, что сама по себе она не является благом или добродетелью – ее характеристика зависит от контекста ситуации и выбранного вектора прагматической оценки.

Таким образом, паремии занимают особое место в ряду репрезентаторов ценностных концептов и ярко и объемно представляют те участки национальной языковой картины мира, которые отвечают за номинацию и характеристику культурных ценностей. Именно в контексте паремий базовые национальные ценности переосмысливаются в соответствии с национально-культурным опытом, демонстрируя поразительную ментальную «гибкость» и многозначность в оценке наиболее значимых для человека ценностей. Обратимся еще к одной из ведущих для национального сознания ценностей. Концепт «Свобода» выражен в паремическом фонде русского языка достаточно противоречиво, причины тому: (1) сложная философская основа понятия «Свобода», отраженного в национальной языковой картине мира в соответствии со всем многообразием культурно-исторического опыта осмысления данной категории; (2) дискусионность в паремической оценке категории «Свобода», обусловленная такими чертами народного менталитета, как категоричность, компромиссность, догматизм и авторита-

ризм мышления. Весьма значимым кажется и слабое присутствие в данном понятии сакрального компонента содержания. Концепт «Свобода» соотносится с моральными категориями в высшей степени субъективно и противоречиво:

- *Где скакать хочется, там и тормозят*: ‘личная свобода воспринимается обществом, как нарушение традиций’;
- *Холоп в неволе у господина, господин у прихотей своих*: ‘свобода действий не дает свободы личности’;
- *Воля – свой Бог*: ‘свобода дает человеку все, что ему нужно’;
- *Жить по воле, умереть в поле*: ‘свобода и достаток несовместимы’;
- *Дай себе волю, заведет тебя в лихую долю*: ‘свобода без ограничений губительна для человека’;
- *Не в воле счастье, а в доле*: ‘личная свобода мене значима, чем счастливая судьба’, но, вместе с тем,
- *Своя воля, своя и доля*: ‘человек свободный может выбирать свою судьбу’ и т.п.

В.И. Даль дает следующее определение *свободы*: «своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле» [4, 151]. В данном определении четко просматривается связь ценности «Свобода» с категорией «Свое - чужое» и концептуальной антитезой «Воля - Неволя». Кроме того, известный собиратель русских пословиц отмечает: «Свобода понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящемуся, или к полному, необузданному произволу или самовольству» [4, 151]. Наиболее частотный лексический вербализатор концепта «Свобода», встречающийся в текстах пословиц – *воля* - определяется В.И. Далем, как «данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насилования, принуждения». Таким образом, «Воля» – это своеобразный деятельностный аспект «Свободы» как устремления человека.

Концепт «Свобода» в его пословичных вербализациях характеризуется интегративными связями со следующими когнитивными единицами:

- «Власть» (*Взял добровольно, наступя на горло; Замирится бы с туркой, так царь не велит*);
- «Власть/судьба» (*Парусы да снасти не в нашей власти*);
- «Желания/возможности» (*Не охоч медведь плясать, да губу тербят; Идти было в гости, да никто не зовет*);
- «Желания/прихоти» (*На вольного воля, на невольного охота*);
- «Обладание» (*И рад бы взять, да силы не занять; Купила бы собака печень, да купить нечем*);
- «Сила – Слабость» (*Мышке с кошкой внаклад играть; И сила есть, да воли нет; кто кого сможет, тот того и гложет; Кто кого согнет, тот того и бьет*);
- «Свое – Чужое» в аспекте фрейма «Судьба» (*Не дал бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы*);
- «Неумеренность» (*Кабы на горох не мороз, он бы через тын перерос*);
- «Судьба/предопределенность» (*Лошадка быстра, а от хвоста не уйдет; Горшку с котлом не биться*);
- «Терпение/неволя» (*Под низкую притолоку гнись да приседай*);
- «Своеволие/бессилие» (*Всю ночь собака на месяц пролаяла, а месяц того и не знал; Сердилась баба на торг, а торг того и не ведал*);
- «Ум-глупость» (*Дураку, что большому чину, везде простор*) и т.д.

Позиция оценки значимости свободы для человека в его обыденной жизни определяется, таким образом, степенью независимости от воли окружающих, которая способна как приносить благо, так и действовать разрушающе – «Свобода» при этом понимается как категория внешнего влияния на «Судьбу» человека и часто ассоциируется с «Долей» (счастливой судьбой) и «Волей» (извне пришедшей возможностью, способностью).

Сложно утверждать, что, согласно паремическим репрезентациям, концепт «Свобода» не определяет духовную жизнь человека вовсе, но в большинстве случаев он репрезентируется в языке через сопоставление с явлениями обыденного материального мира и жизненными ситуациями: *Кто силен да богат, тому хорошо воевать; Силен медведь, да в болоте лежит; Под низкую притолку гнись, да приседай; Своя воля клад – да черти его стерегут.* Сакральный компонент прагматического смысла реализуется пословицами в том случае, когда «Свобода» трактуется как 'дар Божий' или проявление 'воли Божьей', но сам концепт «Свобода» при этом не сакрализуется, а подвергается интеграции с другими когнитивными единицами: *Видел Бог, что не дал свинье рог* (с концептом «Грех»); *Воля – свой Бог* (с концептом «Власть»); *Своя воля – либо рай, либо ад* (с концептуальной антитезой «Грех – Праведность») и т.д.

Особую роль в ценностной репрезентации концептосферы посредством паремий играют когнитивные вторичной категоризации, осуществляемой посредством важнейшей для национальной культуры когнитивной оси «Свое – Чужое». Паремии, формирующие представление о гибкости рамок «своего» и «чужого», о ситуативной обусловленности в оценке данных категорий и о полифонии установок на соблюдение границ между «своим» и «чужим», также демонстрируют и механизм вторичной категоризации, приводящий к переоценке ценностей посредством соотнесения их с полярностью «Своего – Чужого». В реализации данного процесса в паремиях наблюдается актуализация различных прагматических смыслов, собственно обеспечивающих паремиям дидактический потенциал:

- 1) индифферентность в оценке происходящего (*А после нас хоть трава не расти*),
- 2) положительная оценка «своего» (*Всякий купец свой товар хвалит; Дитя хоть и криво, да отцу, матери мило*),
- 3) отрицательная оценка «чужого» (*На чужом пиру с похмелья*),
- 4) преваляирование «своего» над «чужим» (*Людям скоромно, а нам на здоровье; Либо коня жалеть, либо себя*),
- 5) ограждение и охранение «своего» от «чужих» (*Себе кусочек с коровий носочек, другому ломоть – положить нечего в рот*),
- 6) единение «своих» (*Свой своему – и ногой пнет, поможет; Всякая сосна своему бору шумит*),
- 7) несовпадение в эмоциональной оценке «своего» и «чужого» (*Кому не больно – тому и не тошно; Сытый по голодном не плачет*),
- 8) ограждение зоны ответственности в пределах «своего» (*В своих углах не староста указчик; В своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюет*),
- 9) изоморфность «своего» «себе» и в облике, и в участии (*Чья горница, тем она и кормится; Потоп кораблям, песок журавлям*),
- 10) несовпадение ценностного компонента в определяемом как «свое» или «чужое» (*Над людским дураком не нахаешься, над своим не накаешься; Чужая свинья да в чужом огороде – волк ее режь и с огородом-то*) и т.д.

Таким образом, в зависимости от ситуаций человек идентифицирует себя либо со «своими», либо с «чужими», а взаимоотношения «своего» и «чужого» обусловлены потребностью и выгодой. Не стоит всегда думать «как все» (*Он глядит чужими глазами, слушает чужими ушами*), но следует знать, о чем говорят (*Сижу у печи да слушаю людские речи*). Кто «свой», а кто «чужой», решает в конечном итоге сам человек, выбирая позицию для оценки, в соответствии с которой незначимыми могут стать категории «Хороший – Плохой», «Нужный – Ненужный»: *Свой хлеб хоть ночью ешь; Родню считай, денег не поминай; деньги считай, родни не поминай.* При этом, «свое» несчастье не разделишь ни с другом, ни с врагом, о чем свидетельствуют паремические варианты: *Что у тебя болит, то у друга не свербит; Что у тебя болит, то у недруга не свербит.*

Наибольший интерес вызывают те примеры, в которых полярность «Свое – Чужое» не столько организует центральный смысловой компонент высказывания, сколько выражает ценностный статус других категорий, измеримых с ее помощью. Например, в пословице *Лучше отдать свое, нежели чужое взять* репрезентируются концепты «Совесть» и «Порядочность»; в смысловой структуре пословиц *Где свое добро ни нашел, там его и взял* и *Стригу овцу, так шерсть моя; шкуру сниму, так и мясо съем* актуализируется содержание концептов «Правда» и «Справедливость». Особенно часто используется данная антитеза для выражения концепта «Зависть»: *В чужих руках ломоть (пирог) велик; а как нам достанется, мал покажется; Чужим здоровьем болен; На чужое добро и глаза разгораются; Охал дядя на чужие деньги глядя*. В приведенных примерах, несмотря на репрезентацию концептуальной антитезы «Свое – Чужое», отсутствует семантика самоидентификации, поскольку в данных текстах характеризуется не принадлежность человека к сообществу, а влияние характеристики принадлежности объекта на его оценку.

Еще одна ценность, являющаяся для национального сообщества несомненной и приоритетной – «Род/Племя». Недаром одно из традиционных приветствий, ярко характеризующих национальную культуру: *Какого роду племени?* – относит нас к первичному человеческому сообществу, традиции и стереотипы которого мы впитали. Паремии выражают незыблемую закономерность, согласно которой *Сим молитву дает, Хам пшеницу сеет, Афет власть имеет, смерть всем владеет; Гусь не намочется, утка не наполощется, кура не нашаркается; Зайца ноги носят, волка зубы кормят, лису хвост бережет*. Подобное положение вещей возводит принадлежность к определенному роду в ранг основного классифицирующего признака, который человек в ходе всей жизни не имеет права забывать, отрицать или нарушать – в противном случае он будет осужден и осмеян: *Возвысил бог куликов род. Рогом козел, а родом осел; И по рылу знать, что не простых свиней; Залетела ворона в царские хоромы: почиту много, а полету нет; Собака и в собольей шубе блох ищет; Как не бодрись ворона, а до сокола далеко*.

Пословицы, репрезентирующие концепт «Род/Племя», могут выражать смыслы, транслирующие толерантное отношение к собственным характеристикам или закономерным жизненным обстоятельствам, по той или иной причине не устраивающим человека: *Не живет сорока без белого бока; Сер козел, сед козел, а все псиной несет; Что засело в костях, того из мяса не выколотишь; Подле пчелки в медок, а подле жучка в навозец; Из собаки блох не выбьешь*. Прагматическая рекомендация, заключенная в смысловой структуре данных пословиц, в общем смысле сводится к призыву «не сетовать на врожденные недостатки, поскольку изменить их мы не в силах». Тем не менее, учитывая выше изложенное, сложно говорить о заметной представленности ценности «Толерантность» в национальном языковом сознании русского человека. В целом, категория толерантности в ее преломлении в русской языковой картине мира характеризуется достаточно противоречиво, и причина противоречий видится прежде всего в значимости для национального языкового сознания концепта «Терпимость», характеризующегося несколько иным содержанием, чем концепт с именем «Толерантность», актуализировавшийся в период активного проникновения реалий и традиций западной культуры в отечественную. Не углубляясь в проблему разграничения содержания данных когнитивных единиц и, соответственно, смыслов вербализующих их единиц языка, стоит отметить, что одним из важнейших моментов несовпадения в содержательных областях концептов является ярко выраженный компонент «жертвенность», актуальный для концепта «Терпимость». Видимо поэтому в большинстве случаев толерантность определяется как терпимость к чужим мнениям, верованиям и поведению. Толерантность в отличие от жертвенной терпимости весьма рациональна и представляет собой одну из самых удачных формул жизненной философии, имеющей, в том числе, и паремическую форму выражения – *Чего в другом не любишь, того и сам не делай; Чего сам не любишь, того и другому не желай*. Поня-

тие толерантности важно и для обыденной, и для религиозной картин мира, при этом, нюансы в трактовке данного понятия зависят, в том числе, и от особенностей религиозных воззрений. Для православных христиан в соответствии с ведущими принципами религиозной этики чрезвычайно значима заповедь «Не судите, да не судимы будете», но в контексте народной религиозности она нередко вступает в противоречие с весьма популярным призывом «Око за око, зуб за зуб», который трактуется, как правило, не в смысле признания права на справедливость, а в качестве оправдания мстительных устремлений человека. Это и многие другие противоречия, возникающие при попытке соотнести понятие толерантности с другими ключевыми для русской культуры понятиями, является, вне сомнения, темой отдельного исследования - если же говорить об отражении ценности «Толерантность» в паремическом фонде языка, то следует искать его в тех тематических группах пословиц, которые репрезентируют концепты «Прощение», «Терпение», «Любовь к ближнему». Соответственно, достаточно большое число пословиц, рекомендующих толерантность в качестве основы мировоззрения, опираются на ту же концептуальную антитезу «Свое – Чужое». При этом смысловая основа паремий стремится к «уравновешиванию» в оценке «своего» и «чужого», а в семантике пословиц нередко наблюдается отражение результата когнитивной интеграции концепта «Толерантность» и концептов «Сочувствие»: *Всякую болячку к себе применяй*; «Самокритика»: *Оглянись коза на свои рога*; *Не смейся вода, сама молода* и т.д.

Таким образом, большинство абстрактных категорий морально-нравственного характера находят концептуальное выражение в паремической картине мира в соответствии с такими ее ведущими особенностями, как (1) практически-житейское преломление понятий духовно-нравственного мира и (2) критическое осмысление морально-этического плана через негативную характеристику всех связанных с данным понятием нюансов жизненных ситуаций. Действительно, пословицы «воспитывают» большей частью на отрицательных примерах, и рациональное зерно данного подхода вполне очевидно – человеческие пороки должны быть узнаваемы, трактуемы в соответствии с национальной традицией, чтобы человек мог отделить сущностное от внешнего и выстроить свой жизненный путь с учетом всех возможных ошибок. В этом, на наш взгляд, проявляется высочайшей степени рационализм паремий, которым чужды лицемерие и разного рода идеологические «игры». Именно эта дидактическая значимость и делает паремии излюбленным языковым материалом, привлекаемым для нужд межкультурной коммуникации. Паремиологический фонд национального языка наряду с фразеологическим фондом в целом является объектом пристального изучения и при освоении языка в качестве иностранного, поскольку именно в контексте паремий базовые национальные ценности переосмысливаются в соответствии с национально-культурным опытом, демонстрируя поразительную ментальную «гибкость» и полифонию в оценке наиболее значимых для человека ценностей.

Заключение

Намеченные проблемы анализа ценностных репрезентации в контексте пословиц, на наш взгляд, имеют широкую перспективу дальнейшего изучения как в плане попытки системного описания основных ценностных ориентиров паремической картины мира, так и в аспекте характеристики механизма концептуализации значения лексем, образующих текст паремии. Весьма значимым исследованием ценностной репрезентации в паремическом контексте является и для разработки методики отбора материала для паремиологического минимума, ориентированного на ценностную картину мира носителей национального языка. Кроме того, предпринятое исследование позволяет предположить, что когнитивные единицы, актуализированные в контексте пословицы, получают определенное развитие, связанное с «приращением» дополнительной информации, в том числе и под влиянием прагматических смыслов. Определенное развитие наблюдается и в процессе когнитивной инте-

грации ценностных концептов, которая осуществляется в том числе и под влиянием формы высказывания.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н.Ф. Алефиренко. – М: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н.Ф. Алефиренко. – Белгород.: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. / В.И. Даль. – М.: Худож. лит., 1984.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 4. – М., 1995.
5. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 17–33.
6. Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII-XVIII веков / Л.Н. Пушкарев. – М.: Наука, 1994. – 192 с.
7. Савенкова Л.Б. Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
8. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи / И.М. Снегирев. – М., 1995. – 576 с.

INTRAWORD AND INTERWORD MOTIVATION OF RUSSIAN MULTIFORM ADJECTIVES

N. N. Semenenko

*Sary Oskol
department
of Belgorod
State University*

*e-mail:
nsemenenko@yandex.ru*

The author casts a new light on a problem of valuable representation in the texts of paremies from the position of lingua cognitive approach. There is characteristic of complicated processes in comprehension, inter-determination and reevaluation of categories making up the valuable picture of the world from the aspect of their reference to paremy semantics and pragmatism. There is also the integrated cognitive processes that contribute to the volumetric representation of values due to the text of the proverbs. The author shows the importance of valuable criterion in choosing paremy units from the point of the didactic aim.

Key words: valuable criterion, valuable picture of the world, the cognitive integration, paremy semantics and pragmatism, the volumetric representation.